

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Дьяченко Татьяны
Анатольевны «Ориентальные мотивы и образы в русской поэзии 1880-1890-
х гг.», представленной на соискание ученой степени
кандидата филологических наук
по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов
Российской Федерации

Обращение к теме «Ориентальные мотивы и образы в русской поэзии 1880-1890-х гг.» содержит в себе целый ряд проблем и вызовов. Философско-художественная специфика освоения опыта чужих культур в русской поэзии – это одна из важных линий развития поэтической традиции. Изучение каждого отрезка этой линии восполняет представление об эволюции поэтических систем. В диссертации Т. А. Дьяченко материалом исследования становится поэзия малоизученного периода предсимволизма, представленного поэтами первого и второго ряда, а избранный аспект позволяет рассмотреть частное проявление контакта русской культуры с культурой Востока. Это ещё более широкий и чрезвычайно значимый как в мировоззренческом, так и в художественном плане аспект национально-культурной самоидентификации. С названными факторами связана **актуальность** предпринятого исследования. Избранный диссертанткой период, аспект и материал, не получившие системного анализа в отечественной науке, определяют **научную новизну** работы.

Исследование Т. А. Дьяченко включает рассмотрение многих поэтических текстов целого ряда авторов изучаемого периода. Особо хочется отметить обращение к оригинальным арабским поэтическим текстам в переводе автора диссертации в рамках сравнительного анализа. Т. А. Дьяченко освоен широкий круг исследований на русском и иностранных языках по теории мотива, теории поэтического языка, истории русской литературы, стиховедению, культурологии. Список литературы включает 164 источника, из них 8 на европейских языках. **Методологическая база** диссертации также широка и вполне соответствует разнообразным аспектам

заявленной темы, включая труды А.Н. Веселовского, А.К. Жолковского, Е.М. Мелетинского, В.Я. Проппа, Б.В. Томашевского, О.М. Фрейденберг, Л.Я. Гинзбург, Б.Я. Бухштаба, З.Г. Минц и др.

Логико-композиционной особенностью диссертации является то, что автор идёт от проблемы художественного мира к проблеме художественной формы, что отражено в соответствующих двух главах.

Восточный колорит в модификациях канонической топики, интермедиальных связях и пространственной организации текстов, которым посвящена **первая глава**, иногда ощущается как доминирующий и очевидный. В некоторых случаях это образ или мотив сложного генезиса, и на восточный колорит наслаиваются другие оттенки. В этой главе предпринята попытка выделить некие доминанты, которые становятся сигналами, создающими возможность визуальной или ментальной реконструкции фрагмента цельного арабского мира, каким он живёт в воображении поэта (параграф 1 первой главы). Это выглядит убедительно, если автор диссертации учитывает систему «восточных» маркеров текста. Когда же этого нет, гипотеза об ориентальном подтексте не получает достаточной аргументации. Так, например, на странице 14 диссертантка пишет о стихотворении Фета: «Связь данного текста с ориентализмом усматривается в употреблении стандартного для восточно-мусульманской поэзии образного комплекса, а также в обращении к мотиву томления». Там же, где отдельные образы выхватываются из комплекса, они больше похожи на поэтические универсалии. Становится подчас непонятно, почему соловей – это непременно суфий, взыскующий Бога, как, например, в анализе стихотворения К. Фофанова «В селении» (с. 20). Обилие материала подчас играет против системного анализа ориентального подтекста отдельных текстов. Впрочем, основная линия всё же выдерживается.

Во **втором параграфе первой главы** дана интересная и содержательная классификация интермедиальных форм, которая, на наш взгляд, отражает различные стадии проникновения в оригинальный мир

восточной культуры и различные функции изобразительности с восточной окраской. Выделены традиционная форма (экфрасис), идеальный тип интермедиальности и цитатный (с. 31 – 46). Традиционная и цитатная формы интермедиальности дают Т. А. Дьяченко основание для экскурса, во-первых, в пушкинскую традицию, а, во-вторых, в поэзию постсимволизма. Это ценное качество – видеть изучаемый материал в ретроспективе и перспективе. Идеальный тип интермедиальности стоит несколько особняком. Функция воссоздания идеального локуса в традиционном понимании слова «идеальный» прослеживается как некий лейтмотив в первой главе, хотя и не акцентируется как доминантная. Здесь же слово «идеальный» употреблено в другом смысле.

Заметим, что типы интермедиальности выделены по разным критериям, поэтому классификация, на наш взгляд, нуждается в уточнении и детализации. Не совсем, например, понятно обоснование идеальной формы: «Этот тип межкультурной диффузии возникает, когда новая эпоха переоценивает произведения искусства прошлого, в результате чего на материале художественных образов минувших лет возникают новые идеи и чувства, нуждающиеся в новых способах их интерпретации» (с. 37). В каком смысле эта форма интермедиальности – идеальная и чем она отличается от других? Ведь переосмысление, или перекодирование происходит в любом случае.

В большей степени заострена на специфические параллели с оригинальной арабо-мусульманской культурой **вторая глава**, особенно параграфы о поэтическом синтаксисе и жанровых опытах. Во **второй главе** проведён тонкий анализ фонетики отобранных в соответствии с темой текстов. Автор диссертации стремится предельно снизить степень естественной субъективности в толковании семантики звукописи, прибегая к системному соотнесению фонетической организации и других художественных уровней текстов. Стоит, однако, заметить, что это скорее самодостаточный фонетический анализ стихов с ориентальными образами и

мотивами, чем соотнесение со звуковой организацией восточной поэзии. Очевидно, здесь были бы уместны общие соображения. В некоторых случаях толкование звукосочетаний хочется дополнить. Так, например, в диссертации сказано, «глухие консонанты [п], [с], [т] передают ощущение безмолвия, одиночества» (с. 70). Между тем здесь звукопись имеет и изобразительную функцию, передавая шелест сухого песка, с которым могут быть связаны разнообразные ассоциации и символика убывающего времени.

Иначе дело обстоит с поэтическим синтаксисом. В этой части параллели с восточной поэтикой проведены последовательно. Формальные связи не просто демонстрируются, а связываются с общим замыслом и семантикой конкретного стихотворного периода. Наиболее очевидной установка на восточный колорит кажется в вариациях жанров восточной поэзии и в переложениях восточных легенд и мифов.

Поскольку Т. А. Дьяченко ставит перед собой задачу изучить вариации мотивов и образов, то избирает путь анализа от мотива к примерам. Достоинством такого метода является некоторое приближение к принципам исторической поэтики в изучении бытия отдельных литературных форм. Однако на этом пути есть и потери, а именно скольжение по обширному материалу и неизбежная фрагментарность в осмыслении индивидуальных поэтик. Автор исследования стремится всё же бегло обозначать специфику модификаций мотива, связывая её с авторским стилем.

Теоретическая и практическая значимость диссертации Т. А. Дьяченко заключается в изучении конкретных форм воспроизведения инокультурного пространства, которые будут в последующие периоды по-разному интерпретироваться в символистской и постсимволистской поэтике; в обращении к промежуточному этапу развития поэзии, к периоду подспудного формирования крупной поэтической школы; в изучении глубинных закономерностей развития поэтических систем на материале творчества поэтов и первого, и второго ряда.

Ряд моментов в диссертации вызывает **вопросы и некоторые критические соображения**. Оговоримся, что часть из них можно отнести к перспективам исследования и пожеланиям. Так, отсутствие специальной теоретической части приводит к тому, что само понятие поэтического ориентализма подчас выглядит несколько размытым, а Восток – усреднённым. А ведь это чрезвычайно многослойный феномен. Имея в виду исторические особенности исходных культур, здесь приходится учитывать и древневосточные реалии, в частности, библейские, и соотношение доисламской и исламской культуры, персидской и арабской, канона и отступлений от него и многое другое. Это соображение возникло в связи с тем, что автор диссертации эпизодически упоминает источники, выходящие за рамки изучаемого, т.е. за рамки культуры исламского мира и суфизма.

Говоря о влиянии восточной культуры на русский предсимволизм и символизм, логично отделить философско-художественное освоение мистико-религиозных учений от чисто художественного обращения к поэтической традиции в его разнообразных формах (стилизации, орнамента, воспроизведения духа чужой культуры). Это присутствует и в положениях, вынесенных на защиту, и в самой диссертации, но хотелось бы большей концентрированности и теоретической обоснованности в этом вопросе. Разумеется, что в анализе конкретных текстов и наследия отдельных авторов это сделать подчас трудно, хотя диссертантка предпринимает такие попытки. Речь идёт о логико-композиционном аспекте: как представляется, различные способы освоения восточной традиции стоило бы более чётко и детально обозначить перед рассмотрением конкретного материала, с тем чтобы наглядно показать декларированную закономерность интенсификации и усложнения ориентальных мотивов в русской поэзии 1880-1890-х годов. Дело тут, может быть, не только в мистицизме. Возможно, историософские концепции В. Соловьёва имеют прямое отношение не только к его поэзии, но и к некоторым общим явлениям в этой области.

Когда речь идёт об инокультурных мотивах, то предполагается сравнение оригинального смысла и его перекодирования, переосмысления в ином культурном контексте. Это осуществляется в диссертации, но, на наш взгляд, не всегда в полной мере последовательно. Впрочем, присутствие оригинальных текстов восточной поэзии и переводов Т. А. Дьяченко говорит о том, что только огромный объём изученного материала помешал провести через всё исследование принцип сравнения восточного канона и индивидуальных вариаций.

В некоторых фрагментах диссертации возникает ощущение, что общепозитическая топика, некие универсалии (типа образов пустыни и сада как символов абстрактных понятий) не совсем правомерно привязаны исключительно к арабскому Востоку.

Думается, что в диссертации были бы уместны и ссылки на классические работы по поэтике арабо-мусульманской лирики и литературы в целом – на исследования А.Е. Крымского, И.Ю. Крачковского, А.Б. Куделина.

На с. 19 толкование традиционной символики, связанной с образом пчелы, исключительно в ключе любовной темы или с христианским подтекстом, явно недостаточно: упомянутая автором в данном фрагменте античность даёт интерпретацию образа пчелы как символа поэта и элемента разветвлённой мифологемы поэзии, что собственно и подтверждается дальнейшим анализом стихотворения Фета.

Высказанные критические соображения не снижают высокого качества проведённого исследования и носят во многом характер научной полемики. Диссертационная работа Т. А. Дьяченко представляется существенным вкладом в изучение как общей эволюции поэтических систем в русской литературе, в особенности периодов подспудного формирования новых направлений, так и частных, но чрезвычайно значимых проблем предсимволизма, форм философско-художественного освоения чужих культур. Особо стоит отметить важность изучения проблемы русского

поэтического ориентализма в общем контексте культурно-цивилизационной идентичности, например, в перспективе упомянутого в диссертации евразийства. Избранная автором диссертации тема решается при помощи адекватных методов и системно, что обеспечивает достоверность результатов.

Основные положения диссертации непротиворечивы, самостоятельны, апробированы в ходе устных выступлений и в публикациях (общее количество – 25, из них 10 в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации). Материалы исследования могут быть использованы в науке и в образовательном процессе. Автореферат адекватно и полно отражает содержание диссертации.

Таким образом, диссертационное исследование Татьяны Анатольевны Дьяченко «Ориентальные мотивы и образы в русской поэзии 1880-1890-х гг.» представляет собой научно-квалификационную работу, которая соответствует требованиям, изложенным п. 9 – 14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Постановлением правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г., №842.

Т. А. Дьяченко, несомненно, заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации.

Доктор филологических наук
(10.01.01 – русская литература),
доцент, профессор кафедры русской
и зарубежной литературы
ФГБОУ ВО «Саратовский национальный
исследовательский государственный
университет имени Н. Г. Чернышевского»
22 мая 2024 г.

Минц Белла Александровна

Подпись Б. А. Минц удостоверяю
Учёный секретарь Учёного совета СГУ
кандидат политических наук

В. Г. Семёнова
22.05.2024

Контактная информация:

Минц Белла Александровна,

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный
исследовательский государственный
университет имени Н. Г. Чернышевского»

410 012, г. Саратов, ул. Астраханская 83,

Тел.: +7 (8452) 26 - 16 - 96

E-mail: rector@sgu.ru

Официальный сайт организации: <https://sgu.ru/>

Против включения данных, содержащихся в отзыве, в документы, связанные с защитой данной диссертации, и их дальнейшей обработки не возражаю.

Список основных публикаций оппонента за 5 лет по профилю защищаемой диссертации соискателя Дьяченко Татьяны Анатольевны «Ориентальные мотивы образы в русской поэзии 1880-1890-х гг.», специальность 5.9.1. «Русская литература и литература народов Российской Федерации»:

1) Театральные и музыкальные мотивы в «ахматовском» цикле О. Мандельштама // Междисциплинарные связи при изучении литературы: сб. науч. тр. Вып. 8. Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2019. С. 110 – 116.

2) Проблема различения редакций и циклических структур в лирике О. Мандельштама (научная статья) // Известия Саратовского университета. Нов. Серия. Серия Филология. Журналистика. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 346 – 352.

3) Текстологические проблемы в процессе изучения литературы (на материале поэзии Мандельштама) // Проблемы филологического образования: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Л. И. Черемисиновой. Саратов: Саратовский источник, 2020. Вып. 12. С. 168 – 175.

4) Изучение русского лирического цикла в вузе (на примере циклов О. Мандельштама) // Проблемы филологического образования: межвузовский сборник научных трудов // под ред. Л. И. Черемисиновой. Вып. 13. Саратов: Саратовский университет, 2021. 189 с. С. 43 – 50.

5) «Сегодня ночью, не солгу...»: Мандельштам и Чехов // Новый филологический вестник. 2021. № 2 (57). С. 212–224.

6) «Степные» мотивы в лирике О. Мандельштама: специфика художественного пространства // Известия Саратовского ун-та. Новая серия: Серия. Филология. Журналистика. 2021. Т. 21. Вып.1. С. 68 – 75.

7) Миф о земле в поздней лирике О. Э. Мандельштама (на материале «Первой воронежской тетради») // Известия Саратовского университета.

Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 450-456. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-4-450-456>

8) Дон-полукровка (о специфике лирического пейзажа в стихотворения О. Мандельштама «Пластинкой тоненькой жиллета...») // Известия ЮФУ. Филол. Науки. 2023. Т. 27. № 3. С. 123 – 135. DOI 10.18522/1995-0640-2023-3-121-134.

9) Поэтика черновика в творчестве Мандельштама // Проблемы филологического образования: межвузовский сборник научных трудов // под ред. Л. И. Черемисиновой. Саратов: Саратовский университет, 2023. Вып.15. С. 146 – 153.

10) Автопортрет как лирический жанр (на материале поэзии 20 века) // Междисциплинарные связи при изучении литературы: сб. науч. тр. Вып. 9. Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2023. 222 с. С. 98 – 107.

Подпись

Минц Б. А.

Подпись доктора филологических наук, профессора кафедры русской и зарубежной литературы ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского» удостоверяю

Учёный секретарь СГУ Учёного Совета СГУ,
канд.полит..наук, доцент

В. Г. Семёнова

